

David Bergelson, 1930s (Yivo Archive)

Оригинал - «Биробиджанер штерн», 30 июня 1985 Для размещения на сайте дать копию статьи Биробиджанер штерн

Две встречи с Давидом Бергельсоном

Биньомин Бранд, «Биробиджанер штерн»

От переводчика

Из еврейских советских писателей, вернувшихся домой после длительных поездок за границу и по стране, Давид Бергельсон (12.08.1884-12.08.1952) был, пожалуй, последним. Некоторое время проведя в Биробиджане, он основал там литературную студию, написал цикл рассказов о жизни и быте жителей молодого города - «Биробиджанер» («Биробиджанцы»), который вышел в Москве отдельной книгой в издательстве «Эмес» (1934). Некоторые рассказы из этого цикла были опубликованы в журнале «Советиш Геймланд» в 1970-е годы, а также в переводе на русский язык в альманахе «Литературный Биробиджан» (1984).

Ряд интересных деталей и фактов из биробиджанского периода жизни Бергельсона сообщает в свои воспоминания еврейский писатель Биньомин Бранд, приславший их в редакцию газеты «Биробиджанер штерн» еще в 1984 году (в бытность Леонида Школьника редактором этой газеты), когда еврейский мир широко отмечал 100-летний юбилей выдающегося писателя. Прислал не случайно: в этой газете Бранд начинал свой трудовой путь.

Автор этих воспоминаний Биньомин Бранд, чей творческий потенциал, к сожалению, не был полностью реализован, родился в 1918 году в городе Плоцке (Польша) в семье ткачей, перебравшейся в 1927 году в СССР. После еврейской школы-семилетки и окончания еврейского отделения харьковского газетного техникума Бранд 18-летним юношей в 1936 году приехал в Биробиджан и стал сотрудником «Биробиджанер штерн». Вместе с ним, окончив этот же техникум, в ЕАО прибыл один из персонажей этих воспоминаний, юный поэт и прозаик Генах Койфман (1915-1942), позже погибший в бою с гитлеровскими захватчиками.

Б. Бранд публиковал в прессе рассказы и сказки для детей, для них же издал книжку «Мантэлэ» («Пальтишко»). В 1937 году был арестован его отец, Вольф Бранд. Поскольку сын не отказался от отца - «врага народа», то Биньомина из редакции газеты, конечно, выгнали.

**Слева направо: молодые биробиджанские литераторы
Биньомин Бранд, Володя Шульман (?) и Генах Койфман**

В годы, полные лишений, ему помог друг, однокурсник по техникуму, поэт Мотл Голбштейн (1918-1993), приютив его в родном селе Калининдорф, входившем тогда в еврейскую сельхозколонию на Херсонщине. В 1939 году Биньомину Бранду удалось поступить в медицинский институт. Когда началась Великая Отечественная война, на фронт его не взяли, поскольку он являлся выходцем из «западных территорий» (в данном случае, из Польши). Служил он в так называемых «рабочих батальонах», призываемых и организованных по военному образцу и включенных в систему тогдашнего НКВД СССР.

После войны Бранд все-таки окончил мединститут. В 1947 году женился на одесситке, полностью посвятил себя медицине, работая врачом в Херсоне, Молдавии. В течение двадцати лет служил в армии военным медиком. В 1970 году обосновался в Одессе.

Военврач, майор медицинской службы Б.В. Бранд

Свыше 30 лет Биньомин Бранд был вне литературного творчества. Всего лишь раз выступил в журнале «Советиш Геймланд» (№3, 1978), в котором опубликовал сказку «Нойтл», затем в одесском журнале «Мамэ-лошн», издававшемся в 1994-1998 гг. была опубликована сказка «Дэр кейсэр ун дэр ид» («Царь и еврей»).

Биньомин Бранд скончался в Одессе в 1991 году. Вся его семья: жена, дочь и два сына – врачи. Один из сыновей – известный кардиохирург и телеведущий «доктор Бранд» - Яков Вениаминович Бранд (1955) был в составе бригады, проводившей президенту России Борису Ельцину операцию на сердце – коронарное шунтирование.

* * *

Годы кружатся, словно воздушные шары. То ты их крепко держишь в руках, то они ускользают куда-то. И вместе с годами исчезают события, переживания, встречи. Некоторые из них покрываются туманом и требуется напрячь память, чтобы представить пережитое.

Бывают такие события, которые особенно врезаются в память. Будто они вырублены в камне и остаются на всю жизнь.

К таким событиям относятся две мои встречи с выдающимся еврейским советским писателем Давидом Бергельсоном. И хотя о нем написано немало литературно-исследовательских работ, откликов, воспоминаний, смею надеяться, что и мое слово не будет лишним и наверняка добавит некоторые штрихи к портрету нашего классика.

...Конец 1936 года. В Биробиджане юыл страшный мороз, аж перехватывало дыхание. Казалось, сама вечерняя синева небес примерзла к свежему снегу на крышах домов, и дым из каждой трубы картинно поднимался над городом неподвижным прямым столбом...

В такой зимний вечер приятно сидеть возле горячо натопленной печки, прислушиваться к треску сухих дров и вдыхать их сосновый запах...

Две тесные комнатки редакции «Биробиджанер штерн» были переполнены. Сюда на очередное занятие

литературной студии собрались студенты, рабочие, учителя, писатели. Казалось, стены и низкий потолок редакции вот-вот рухнут от шума и гама. Почти все присутствующие были знакомы. Они шутили, по-доброму подначивая друг друга, и среди всех выделялся смех Эмки Казакевича. Редактор газеты Бузи Гольденберг, углубившийся в чтение оттистка завтрашнего номера, время от времени прикрывал ладонями уши и упрасивал Казакевича:

- Эмка, дорогой, давай немного потише...

Но утихомирить Эмку было делом весьма нелегким. Нам, пришедшим сюда юным начинающим писателям, тоже хотелось принять участие в общем разговоре, но мы все-таки стеснялись и потому помалкивали, прислушиваясь к шуткам и остроумам старших.

Но вот стрелки настенных часов показали цифру «семь». Со скрипом открылась дверь, и в комнате сразу наступила тишина. В шапке-ушанке, в пальто с поднятым меховым воротником на пороге появился Давид Бергельсон. Его брови и даже ноздри были заснежены.

- Доброго вечера всем! – произнес он своим низким голосом. – Ну и мороз... Собаку жалко выпустить на улицу.. – Он подошел к печке и обнял ее замерзшими руками. – Ой, какой здесь рай, чтоб я так жил! Отсюда ни на шаг не сдвинусь, хоть стреляйте в меня!

Отяжелевшие от мокрого снега пальто и шапку он через рядом сидящего передал на вешалку, снял пиджак и повесил на спинку стула, оставшись в клетчатом шерстяном джемпере.

- Ну, дети мои, - потирая руки и оглядывая публику, произнес он. – Можно начинать. Кого мы слушаем сегодня?

Кто-то подсказал:

- Генаха Койфмана!

- Койфмана? Генаха? – переспросил Бергельсон, - И где этот парень? Встань, не стесняйся, представься нам... О, да ты – настоящий жених, Хупа у тебя скоро?..

Генах Койфман в свои двадцать лет был отнюдь не стеснительным, но читать стихи в присутствии Бергельсона было для него непросто. Он побледнел, на лбу появились капельки пота.

- Смелей, Генах, смелей!- подбодрил его Бергельсон. - Совсем недавно я читал твое стихотворение в газете – довольно приличное...

Слова Бергельсона, наверное, воодушевили юного поэта и, раскрыв свою тетрадь, Койфман четко начал читать.

Генах был моим близким другом. Вместе мы окончили харьковский газетный техникум, вместе приехали в Биробиджан, вдвоем стали работать в редакции «Биробиджанер штерн». Да и жили мы с ним в одной комнате.

Естественно, я был первым, кому Генах читал каждое своё появившееся стихотворение. Почти все его вирши я знал наизусть. Так что всё мое внимание было приковано к Бергельсону. Я смотрел на него с юношеским восторгом, гордясь тем, что слушаю мэтра. Ничего себе: я сижу за одним столом с самим Бергельсоном, автором романов «Бам Днепэр» («На Днепре»)«Нох алэмэн» («После всего»), повестей и рассказов «Арум вокзал» («Вокруг вокзала»)«Дэр тойбэр» («Глухой»), ... Для меня сейчас, кроме этого большого писателя с глазами навывкате под темными бровями, с крупной нижней губой, ничего не существовало... Я следил за каждым его движением. Бергельсон очень внимательно слушал выступавшего, каждый раз делая на листке бумаги какие-то пометки и рисуя различные мужские и женские профили, деревья и птицы... Вечер закончился, и этот исписанный и изрисованный листок остался на столе. Так вышло, что я мгновенно положил его в карман. Много лет я хранил эту реликвию, но в годы войны она, к сожалению, пропала.

Генах закончил чтение. Сунул тетрадку со стихами за пазуху и с волнением уставился на Бергельсона, словно обвиняемый, которому вот-вот должны вынести приговор. Лицо Бергельсона оставалось невозмутимым. Этим он давал высказаться присутствующим.

Все выступившие были единодушны в том, что у молодого поэта в последнее время замечен определенный рост. Его стихи стали более зрелыми, содержательными. Особенно пришелся по нраву цикл биробиджанских стихов, наполненных дальневосточным колоритом. Все, включая и Койфмана, с нетерпением ждали, что скажет Бергельсон...

И, наконец, Бергельсон обратился к молодому поэту:

- Что тебе, Генах, сказать? Я согласен с мнением, что ты попотчевал нас неплохими стихами. Но не задирай

нос и не сердись на тех, кто с этим не согласен. Ко всем добрым словам, что мы выслушали в отношении твоих стихов, следует тебе дать и пару подзатыльников. Думаю, они не повредят, понял? - Бергельсон закурил папиросу и глубоко затынулся. - Слушая твои стихи, может показаться, что Всевышний сотворил солнце и луну лишь для тебя одного, и ты можешь, как угодно, над ними измываться. Но тогда ты сущий разбойник... - И тут Бергельсон развил дальше свою мысль об органической связи красочности пейзажа с настроением и лейтмотивом стиха. При этом он привел в пример Пушкина, Лермонтова, Гейне, Бялика и Лейвика.

- Ты, Генах, - продолжал он, - беспорядочно нанизываешь один образ на другой, без меры разбрасываешься налево и направо метафорами. Они у тебя сверкают, но не греют. Извини меня за не очень корректное выражение, но ты страдаешь поэтическим поносом...

Услышав эту фразу, Генах вытер ладонью со лба испарину. Бергельсон это заметил и мягко добавил:

- Ладно, Генах, не вешай нос. Все мы когда-то были молоды и стремились в небо. Ничего, с божьей помощью станешь человеком. Помнишь, у Шолом-Алейхема: «Шлифовать и гранить, гранить и снова шлифовать!»

На этом занятие литературной студии закончилось и народ начал потихоньку расходиться.

Давид Бергельсон уходил в сопровождении писателей Эммануила Казакевича, Гирша Добина, Бузи Миллер, Любы Вассерман. Мы, некоторые сотрудники «Биробиджанер штерн», еще задержались в редакции, делясь впечатлениями от прошедшего вечера. Было уже довольно поздно, когда мы с Генахом, собираясь уходить, вдруг заметили висевший на стуле, на котором сидел возле печки Бергельсон возле печки, черный, в тонкую полоску, пиджак. Это был пиджак Бергельсона. Писатель забыл его надеть...

В мгновение ока я схватил пиджак и молча выбежал на улицу.

Бергельсон проживал тогда в гостинице недавно возведенного железнодорожного вокзала, неподалеку от редакции. Мороза я не чувствовал. Я не шел - буквально летел, крепко держа в руках сокровище...

Гостиничный швейцар подозрительно на меня посмотрел, когда, затаив дыхание и держа в руке пиджак, направился в вестибюль. Все же он проводил меня на второй этаж и указал нужный номер. С трепетом в сердце я постучал в дверь. Ее открыл сам Бергельсон, стоя предо мной в своем в своем клетчатом джемпере, держа в руке ложку. От волнения у меня отнялась речь. Заметив у меня свой пиджак, писатель все понял и звонко рассмеялся:

- Ну и голова у меня стала... А вам, молодой человек, большое спасибо! Войдите, пожалуйста!

Признаться, мне очень хотелось к нему зайти, но было неудобно, и я остался стоять у порога.

- Что вы ломаетесь, словно барышня? Закройте скорее дверь и не пускайте холод в мое жилище.

Я вошел. Бергельсон забрал у меня свой пиджак.

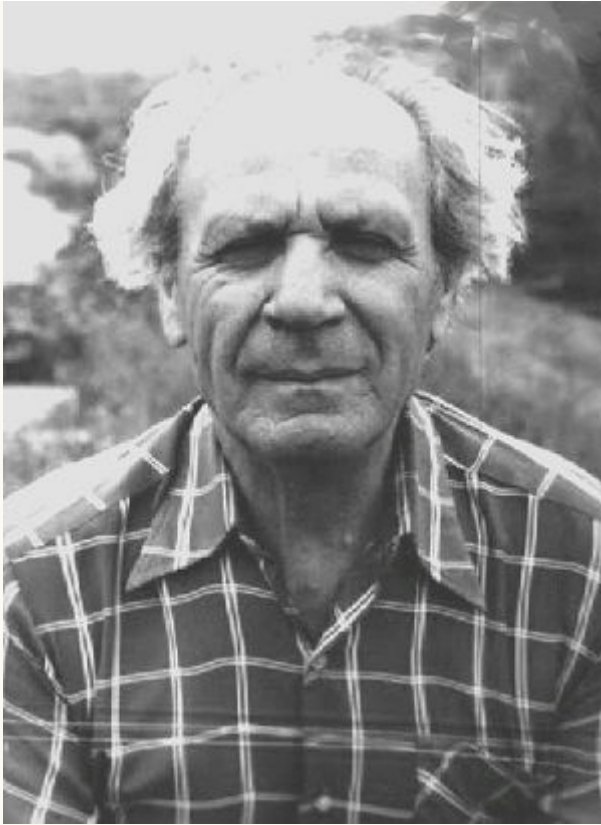
- Вот, Миллер, полюбуйте на меня, прошу вас,- старый Бергельсон уже выжил из ума. Хорошо ещё, что я штаны в редакции не оставил...

Только сейчас я заметил, что в углу комнаты на мягком стуле восседает Бузи Миллер, который был среди провожатых Бергельсона после вечера в редакции. Вероятно, молодой писатель, о творчестве которого Бергельсон был высокого мнения, только что закончил читать исписанные листки бумаги, собирая их в стопку.

- Раздевайтесь, юноша, погрейтесь немного, - обратился ко мне Бергельсон. - Еще немного, и мой холостяцкий ужин будет готов.

Он подошел к керосинке, стоявшей в сторонке на небольшом столике, и начал в кастрюльке помешивать ложкой какое-то варево. При этом он расспрашивал меня:

- Как ваша фамилия? Да-да, я читал вашу книжечку для детей - «А мантэлэ» («Пальтишко»). Кажется, так она называется? Сколько вам лет? Восемнадцать?.. Сам еще дитя и пишет для детей. Интересно. Вы, наверное, принесли с собой что-нибудь почитать? Нет? Ладно, оставим это на другой раз. А сейчас, ребята, чуточку придвиньтесь ко мне и вы увидите, на что еще годится старый Бергельсон, кроме как писать романы...

Одна из последних фотографий Б.Бранда

Помню по сей день вкус того ужина. Это было какое-то варево из зеленого горошка. Спустя годы я пытался сам приготовить такое блюдо, но, признаюсь, оно было весьма далеко от того, что мы тогда ели у знаменитого писателя.

Увидев, как Миллер и я с аппетитом уплетают его варево, Бергельсон по-мальчишески растаял от удовольствия:

- Ну, что я вам сказал? Вы пробовали когда-нибудь такое? Думаю, что сам? Александр Дюма лучше меня не приготовил бы... Как вы думаете, что я в него вложил? Немного горошка, шматок сливочного масла, горсть сахара и - всё... И так, мои друзья, в каждом деле, даже в литературе: неважно, что ты кладешь в блюдо, весь фокус в том, как его варить...

- И кто его готовит...-добавил вставил Бузи Миллер. Бергельсон, довольный, улыбнулся:

- Ну, это уже дар божий.

Мы еще долго сидели в номере у гостеприимного хозяина, делившегося с нами своими впечатлениями о Еврейской автономной области и биробиджанских писателях. Он ещё поведал нам о своих творческих планах, задуманных рассказах, которые ему предстоит написать. Поздно ночью мы с Бузи Миллером, полные блаженства от близкого общения с Бергельсоном, покинули гостиницу.

Перевел Зиси Вейцман, Беэр-Шева
Оригинал - «Биробиджанер штерн», 30 июня 1985
Все фотографии Б.Бранда любезно предоставлены «МЗ»
дочерью писателя Маргаритой Аншиной (Москва)